

Воспоминания о школе

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Мне посчастливилось учиться в Московской опытно-показательной школе-коммуне имени П.Н. Лепешинского, к сожалению тогда, когда ученики уже жили не в школьном общежитии - коммуне, а дома.

Кратко напомним кто такой Лепешинский и почему школа носила его имя.

Пантелеймон Николаевич Лепешинский родился в 1868 году в белорусском селе Литвиновичи, в семье священника, имевшей 18 детей, среда которых он был старшим сыном. В начале своего революционного пути увлекся народничеством, однако нарастание классовой борьбы в России, рост рабочего класса, распространение марксизма, заставляло революционную молодёжь знакомиться с учением Маркса и вскоре за участие в нелегальном студенческом кружке Лепешинский исключается из Петербургского университета, а в 1893 г. в Севастополе изгоняется и со службы в управлении железных дорог, затем арест, тюрьмы и первая ссылка - в Сибирь.

В ссылке он встречается и сближается с Лениным, оказавшим сильнейшее влияние на Лепешинского, помогшим ему стать убежденным, высокообразованным марксистом.

Пантелеймон Николаевич в числе 17-ти ссыльных подписал в 1899 г. составленный Лениным знаменитый "Протест русских социал-демократов" против "экономистов".

Член партии с 1898 г. музыкант, художник, шахматист. Лепешинский становится одним из ближайших соратников и друзей Ленина по сибирской ссылке, созданию партии, а после победы Октябрьской революции в 1917 г., и в социалистическом строительстве. После окончания ссылки, летом 1903 г. снова арест и вторая ссылка опять в Сибирь, откуда он бежит в Швейцарию, где снова встречается с Лениным, В 1917 г. он активно участвовал в установлении Советской власти в Белоруссии, а в декабре этого же года приехал в Петроград к Ленину, с которым не виделся 12 лет.

Владимир Ильич очень обрадовался приезду старого товарища и друга и, зная его высокую образованность и любовь к детям, сразу же предложил идти в Наркомпрос к Луначарскому на очень трудный школьный фронт.

Лепешинский, немного подумав, сказал:

Придется многое ломать...

Нет уж, пожалуйста, - живо возразил Ленин, - начинайте с того, что хорошее нужно сохранить... Крушить, ломать - оно, конечно, легче...

В наркомпросе Лепешинскому поручили возглавить отдел реформы школы.

Какие это были люди в Наркомате просвещения - Луначарский, Крупская, Покровский, Ольминский, Менжинская и вот теперь еще и Лепешинский!

Пантелеймон Николаевич с головой ушел в новое дело, углубляет свои знания, после рабочего дня до поздней ночи читает Руссо, Оуэна, Сен Симона, Фурье, швейцарского педагога-демократа Песталотти, которые в разное время высказывали идею соединения школьного обучения с производственным трудом.

Лепешинский приходит к твердому убеждению, что принципом обучения в советской школе должно стать соединение производительного труда с преподаванием дисциплин, дающих общее среднее образование, что советская трудовая школа должна давать полный простор свободному развитию творческих сил ребенка.

5 июня 1918 г. Ленин, выступая на съезде учителей-интернационалистов сказал:

"Надо освободись жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии, нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся.

Задача новой педагогики - связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества". [В.И. Ленин. "Биохроника" т.5, стр.515.]

Эта ленинская идея создания единой советской трудовой школы для всех рабочих и крестьян, русских и детей других национальностей России, была восторженно и единодушно поддержана делегатами съезда. И, конечно, очень обрадовала Лепешинского.

А Надежда Константиновна Крупская, выступая на коллегии Наркомпроса, дополнила Ленинскую мысль:

"Главное препятствие, которое делает среднюю школу в теперешней ее форме недоступной для масс - это ее книжность, оторванность от жизни. Ученик средней школы в течение ряда лет отучается от всякого производительного труда, готовится к карьере "интеллигенции": чиновника, врача, инженера - человека, предназначенного для привилегированного положения в обществе.

Сын крестьянина, рабочего, попав в среднюю школу, тем самым "выходит" из народа, отрывается от своей среды.

Как же должна быть преобразована средняя школа, чтобы быть общедоступной? В основу ее должен быть положен производительный труд, который должен быть тесно связан с обучением".

У Лепешинского давно возникла и вызревала мысль попробовать организовать такую трудовую школу и осуществить это не в Москве, что было бы сравнительно просто, а в своем родном, далеком белорусском селе Литвиновичи.

После того, как он все обдумал, взвесил, рассчитал, пошел к Ленину посоветоваться. Владимир Ильич не только с радостью и удовольствием выслушал Лепешинского, но и горячо поддержал, тут же отдал конкретные распоряжения об оказании помощи в организации школы, выделении школьного оборудования, учебников, наглядных пособий, тетрадей, карандашей, глобуса и даже швейной машинки, ниток и иголок для швейной мастерской.

Однако не забыл, как и в 1917 году, снова напомнить и предупредить:

- Только прошу Вас, Пантелеймон Николаевич, наряду с новым, что вы надумали здесь в городе и хотите провести в жизнь, непременно используйте опыт старых сельских учителей. Они лучше нас с вами знают местные условия, а деревня не любит ломать старых порядков, не поверив, что новые будут лучше. Пантелеймон Николаевич ушел от Ленина взволнованный, благодарный и окрыленный.

А в сентябре 1918 г. в помещении бывшего церковно-приходского училища села Литвиновичи была открыта школа-коммуна, в которой жили и учились 40 девочек и мальчиков не только этого села, но и окружающих населенных пунктов.

Ребята с радостью и усердием трудились в слесарной, столярной, переплетной и швейной мастерских (артелях), сами сшили себе брюки, рубахи, платья, береты. Все делалось руками учеников и педагогов - труд в школе стал не просто учебным предметом, но ежедневной необходимостью и обязанностью. Долгими осенне-зимними вечерами 1918-19 гг. учителя проводили беседы с трудящимися крестьянами села, отношение которых к школе становилось все более уважительным и доброжелательным, школа быстро завоевала их доверие, что привело к открытию школы и для взрослых.

Школа-коммуна стала на селе важным очагом просвещения, что вызывало у местных кулаков ненависть и злобу, поступали подметные угрозы школе сжечь, а

учителей-коммунистов уничтожить. По ночам в школьные окна швыряли камнями, поэтому учителя днем вели уроки, а по ночам были вынуждены, вооруженные винтовками, охранять школу.

Обстановка в Белоруссии обострилась, в марте 1919 года в Гомеле начался контрреволюционный мятеж, в селах и деревнях кулачество готовилось к восстанию, на дорогах бесчинствовали конные кулацкие банды, шла ожесточенная гражданская война.

В таких условиях все труднее становилось обеспечить нормальный учебный и трудовой процесс, дети нервничали, боялись, ночью плохо и тревожно спали. Лепешинский сообщил об этом в Москву и Луначарский распорядился школу свернуть и немедленно эвакуировать ее в столицу.

В октябре 1919 г. школа-коммуна в составе 22 учеников (остальных не отпустили родители) прибыла в Москву во 2-й Обыденский переулок, где и была организована Московская опытно-показательная школа-коммуна. В школу были приглашены лучшие учителя Москвы. Жизнь школы, душой и руководителем которой оставался Пантелеймон Николаевич Лепешинский, шла четко, размеренно и успешно,

П.Н. Лепешинский впоследствии занимал ряд ответственных государственных и партийных постов: являлся одним из организаторов и руководителей комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) - ИСТПАРТА, председателем ЦК МОПР, директором Исторического музея, музея Революции, членом коллегии Наркомпроса, автором ряда работ по истории партии, советской педагогике и коммунистическому воспитанию.

В честь выдающихся заслуг в теоретической разработке принципов советской педагогики и неутомимой деятельности по претворению их в жизнь - Московской опытно-показательной школе-коммуне и было присвоено имя П.Н. Лепешинского - ее основателя и первого директора. [Л. Стишова. «Товарищи в борьбе», политиздат, 1973 г., Москва]

ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ

Труд в нашей школе практически пронизывал всю жизнь, весь школьный распорядок: постоянно действовали слесарная, столярная, переплетная мастерские, военный стрелковый кабинет, которым руководил старой закалки военный, раненый и контуженный в империалистическую и гражданскую войны, очень аккуратный, подтянутый досконально знающий военное дело военрук Костромин, ушло обучавший теоретически и практически стрелковому делу, что нам очень нравилось и в жизни потом многим пригодилось.

Труд в школе занимал важное место. Кроме постоянного обучения труду в слесарной, столярной и переплетной мастерских, в школе существовала обязательная месячная практика в зимнее время учащихся 8 и 9 классов (десятилеток тогда еще не было) на московских фабриках и заводах.

Например, в 8 классе мы с Максом Жардецким проходили практику на заводе "Трубосоединение", а в 9 классе - на 2-ом Московском часовом заводе около Белорусского вокзала, где мы - Евгений Горбатов, Виктор Клингер, Борис Рудяков, Владимир Травкин, Василий Унков, Богдан Хачатурянц, Михаил Яркий и я выполняли разнообразные производственные операции, полная навыки в работе на станках, в использовании различного инструмента. Отношение к практикантам было внимательное и доброе, можно сказать сыновнее, каждый мастер или рабочий старались помочь, показать, научить, поделиться своим опытом и знаниями.

Результаты и оценку практического обучения в виде краткого дневника - отчета, что делали, чему научились, как себя вели, как относились к труду, подписанного администрацией цеха или завода, представляли в школу.

В 1927 году по предложению члена партии с 1904 г. Андрея Матвеевича Лежава было в РСФСР создано добровольное общество "АВТОДОР" для содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог. Школа тоже откликнулась на это и в 1929 г. по инициативе учеников нашего класса В. Травкина, Б. Хачатурянц, В. Ункова, В. Клингера, Е. Горбатова, имевших ярко выраженные склонности и способности к техническому делу и других ребят-энтузиастов, при энергичной поддержке преподавателя физики Александра Васильевича Перышкина, который сам проявлял и всегда поддерживал инициативу учащихся, в школе в порядке ее политехнизации, а жизнь в стране была пронизана политехническими идеями, создали небольшую автомобильную мастерскую-класс.

Оснастили ее двигателями внутреннего сгорания - "живыми" и в разрезе для наглядности обучения - запасными частями и деталями, инструментом, плакатами, схемами и другими пособиями. Именно благодаря этой "самодельной" мастерской ребятам школы, главным образом нашего старшего, выпускного 9 класса, удалось привить вкус и интерес к автоделу.

И, когда большевистская партия призвала молодёжь страны овладевать вождением автомобиля и трактора, почти все ребята нашего класса, с разрешения оргкома и руководства школы, поступили на вечерние курсы трактористов, которые мы с огромным удовольствием и гордостью закончили в начале февраля 1930 года, сдав практическую езду на колесных тракторах американского производства "Фордзон" и советском первом тракторе "Фордзон-Путиловец", получив свидетельства об окончании курсов и права на вождение тракторов.

Ленин, оценивая в докладе на VIII съезде партии в 1919 г., взаимоотношения со средним крестьянством, сказал:

«Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов, ... то средний крестьянин сказал бы "я за коммунию" (т.е. за коммунизм)». [В.И. Ленин, пол.собр. соч. т.24, стр.170.]

Эта ленинская мечта еще не была выполнена, на I октября 1929 г. в сельском хозяйстве СССР было только 35 тысяч тракторов, не хватало и трактористов, поэтому был выдвинут лозунг «два раза обогнуть большевистскую весну», т.е. одними и теми же тракторами провести весенние полевые работы сначала в районах, где весна наступает раньше, а затем перебросить их по железной дороге на Урал и в Сибирь, где весна наступает позднее. Окончивших тракторные курсы экипировали в новенькие удобные синий комбинезоны, в которых мы несколько дней до отъезда, с гордостью и важностью продолжали ходить в школу, щеголяли по городу, а уже в марте 1930 г. нас направили на Среднюю Волгу, куда уже прибыли новенькие английские, только не колесные, а гусеничные тракторы марки "Катерпиллер" ("Гусеница"). Мы их сами разгружали с платформы на ж/д станции, заправляли горючим и своим ходом осторожно на малой скорости привели на машинно-тракторную станцию (МТС), т.е. государственное сельскохозяйственное предприятие, создававшееся (первая в 1928 г. в Одесской области) для технической и организационной помощи колхозам, - а потом пахали, бороили и сеяли на них.

Тракторы отличные, работать на них удобно, легко и приятно, но они не имели электрических фар, англичане, вероятно, пахали только днем и фары им не требовались, а нам было некогда, мы торопились выполнить государственное задание, первую пятилетку и работали в три смены днем и ночью, и вот ночью-то испытывали большие неудобства из-за отсутствия фар.

Но говорят, что голь на выдумку хитра, стали подвешивать на козырек-крышу трактора справа и слева по фонарю «летучая мышь», однако в движении они сильно раскачивались и давали слабый рассеянный свет прямо под носом трактора и часто, в ветряную погоду, гасли.

Потом, когда глаза попривыкли, мы приловчились и приноровились пахать ночью и без света, ориентируясь по довольно заметному контрасту между серой вспаханной и черной вспаханной полосами земли, но с рассветом обязательно приходилось выделять несколько тракторов для запахивания остававшихся огрехов, т.е. вспаханных участков земли, а, если ночь была светлая и лунная, то огрехов почти не было. Когда в конце апреля - начала мая весенние работы в Поволжье завершили, тракторы привели в образцовый порядок, погрузили на ж/д платформы и поехали они в более северные края, где их ожидали другие тракторные группы и бригады, а мы вернулись в школу сдавать выпускные экзамены за последний, т.е. 9-й класс.

Зимними вечерами, после окончания занятий мы убирали снег не только во дворе и в саду школы, но и в близрасположенных переулках, получая за это небольшие деньги, которые шли в общую школьную копилку и использовались на летние экскурсии. Наш 8-й класс выезжал в летние каникулы в Донбасс, где мы побывали на шахтах, опускались в забой, познакомились с тяжелыми условиями работы шахтеров и поняли каким трудом достается стране уголь, как надо его беречь и заботиться о здоровье работающих под землей. Были мы и на "Днепрострое" и когда увидели его своими глазами-растущим, движущимся, живым и дышащим ~ все смолкли от восхищения, замерли, пораженные красотой и величием строительства. Нашу поездку в Донбасс на Днепрострой возглавил Дмитрий Максимович Кирюшкин, в которой показал себя добрым, сердечным не только руководителем, но и старшим товарищем.

Дмитрий Максимович отправился в управление строительства плотины и добился разрешения пропустить нашу группу на стройку и выделить провожатого, который нам подробно рассказывал о Днепрострое, его значении для экономики страны, когда он будет введен в строй действующих электростанций с мощностью 650 МВт, показывал самое главное и интересное.

Но больше всего нас удивили люди на строительстве, энергичные, добрые, веселые и царивший на стройке полный порядок, никакой суеты, беготни, неразберихи, только строительный шум и гул, на который работающие люди внимания не обращали, постоянно занятые своим делом. Вернулись в Москву радостные, повзрослевшие, счастливые.

В школе много труда и времени уходило на уборку, мытье полов, лестниц, окон, дверей во всех без исключения помещениях огромной старинной трехэтажной, с подвалом и чердачными помещениями, школы - классы, лаборатории, спортивный двусветный зал, военный кабинет, библиотека, мастерские, столовая, кухня, раздевалка, подача пищи на столы, мытье посуды в кухне и столовой (всё, кроме варки пищи), уборка сада и двора, всё производилось самими учащимися всех без исключения классов, чисто, старательно, безоговорочно.

Важную роль выполняли дежурные по школе, которые должны были следить за соблюдением порядка, расписания занятий, тишины, подходить к телефонному аппарату, установленному в маленькой комнатке в раздевалке и т.д.

Как-то раз в 1930 году, когда дежурной по школе была ученица нашего 9 класса Валя Васильева - Южина, зазвонил телефон. Она подошла и отпраповала:

Дежурная по школе Васильева-Южина слушает.

Здравствуйте товарищ дежурная. Говорит Сталин.
Передайте, пожалуйста, что мой сын Василий заболел поэтому не смог придти в школу.

Хорошо, я передам.

Спасибо, до свидания.

Она мне об этом рассказывала совсем недавно и до сих пор помнит этот разговор.

Никто от труда не освобождался и не просил об этом. Труд входил обязательным элементом в школьный распорядок и считался делом чести.

Кто, где, когда должен производить уборку и заступать на дежурство указывалось в заранее вывешиваемых графиках. Вспоминается комичный случай: меня выбрали старостой группы ребят (артели), на обязанности которой лежала ежедневная утренняя уборка биологического кабинета или, как его называли, «биологички». В группе состоял и сын К.Е. Ворошилова Петр, которого, как только он появился в школе, превеликий мастер придумывать различные клички и прозвища, Володя Травкин в шутку назвал "Буденным" хотя остроумия особого тут не заметно, но прозвище так за Петром и закрепилось.

И вот в списке дежурных, вывешенном мною возле входа в «биологичку» я машинально вместо "Ворошилов" написал "Буденный".

Каждый день старосты групп приходили в школу минут за 15 до начала занятий, чтобы проверить как убраны помещения, за уборку которых они отвечают.

Однажды «биологичка» оказалась неубранной, времени до начала занятий оставалось немного, и я на скорую руку убрал ее сам, а после первого урока помчался разыскивать Петра (учился он на два класса младше), нашел и спрашиваю:

Почему не убрал кабинет, забыл, что ли, что ты сегодня дежурный?

А почему я его должен убирать, я же Ворошилов, а в графике написано «Буденный», пусть он и убирает. Так ловко он проучил меня за неуместную шутку, после чего я уже писал его настоящую фамилию.

При встречах с ним уже после окончания войны, на различных военных учениях или в генштабе, где он служил, мы не раз вспоминали эту давнишнюю детскую шутку.

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ШКОЛЫ

Внутренняя жизнь школы была ключом, была интересной, разносторонней и разнообразной, комсомольская и пионерская организации, при активнейшем участии учителей, задавали тон, каждый класс стремился вносить в жизнь что-то свое, непохожее, новое, свежее.

Возникали и работали различные кружки, выпускалась красочная, привлекательная, довольно ядовитая, с рисунками и карикатурами, стихами и дружескими эпиграммами на учащихся и учителей, стенная газета большого формата, на хорошей бумаге.

Володя Томсон поместил такую дружескую эпигramму на Елизавету Савельевну Березанскую (привожу по памяти):

Зубы беличьей породы, маленький подбородок
и маленькие кудряшки черных волос.

Обратно - пропорциональный знаниям рост,
университетская кафедра раз в неделю, к людям подход математически прост
и десятилетняя дочка Эля.

В газете участвовали и ученики и учителя, никого не надо было тянуть и выпрашивать дать заметку, в материалах недостатка не испытывали, почтовый ящик стенгазеты не пустовал.

На школьных вечерах, посвященных революционным праздникам или памятным датам - смерти В.И. Ленина, Парижской коммуне, Первомаю, Октябрьской революции, после краткой торжественной части, начинались, как правило, под художественным руководством бывшего ученика школы, талантливого организатора, поэта и музыканта

Яши Полонского, концерты самодеятельности, на которых выступали школьный хор, "Синяя блуза", читались стихи Пушкина, Лермонтова, Блока, Маяковского, рассказы Зощенко и Пантелеймона Романова, Яша Беленький со Стахом Ганецким выступали со школьным обозрением, которое всегда вызывало острый интерес и шквал аплодисментов, т.к. в нем давались характеристики (все это сочинял Я. Полонский) многим ученикам и даже учителям, остроумные, меткие, но дружественные, прекрасно пела русские и советские песни популярнейшая школьная певица Мирра Эпштейн под аккомпанемент Полонского или Семена Диковского, выступавшего и с сольными номерами, исполняя произведения Бетховена, Шопена, Глинки, Рахманинова, мы с Ниной Ершовой читали отрывки из поэмы Асеева "26", Володя Томсон читал свои стихи, были и акробатически-физкультурные выступления, пляска и др.

Яша Беленький впоследствии стал известным артистом киностудии им. Горького, дублировал многие иностранные кинофильмы и, обладая мощным басовитым с хрипотцой голосом, дублировал главным образом роли разных негодяев, бандитов, убийц и им подобных типов.

Яша Полонский писал великолепные стихи, посвященные школьной жизни и многие его строчки становились общими, вроде лозунгов, например, такие бодрые, оптимистические, как "Где мы ни бываем, мы не унываем", мы их помним до сих пор и в годы ВОВ я их тоже часто вспоминал.

А некоторые его стихотворные, рифмованные характеристики конкретных учеников превращались в клички и сохранялись на всю жизнь.

После коллективных посещений кино, ходили мы обычно в самый большой и дешевый кинотеатр столицы "Колосс" (там сейчас Моск. Гос. консерватория), проводились обсуждения кинофильмов, а также диспуты на злободневные темы. Не запухали и спортивные состязания, например, игра в волейбол. Сборную школьную команду в составе А. Егорова, Ю.Карпова, В.Клингера, В.Травкина, Б.Хачатурянца и М.Яркина, - все из нашего класса, -хорошо знали в районе, она не раз выигрывала серьезные встречи, занимая первые места. Игры происходили как у нас в школе, так и в других, например, в соседней, 4-й школе. Все свободные ребята, девочки, как правило, не интересовались, приходили на такие встречи поддерживать свою команду, было шумно, весело и захватывающе интересно.

Волейбол истинно коллективная игра, здоровая, задорная, веселая, в нее любители играют до глубокой старости. Я сам бросил играть только после шестидесяти с лишним лет и то из-за травмы позвоночника, а "болею" до сих пор за команду ЦСКА.

Юра Карпов, благодаря огромному росту и мощнейшим ударам, правда в то время двойных и тройных блоков не было, некоторое время играл за сборную Москвы, а В.Травкин за сборную завода "АМО".

Когда я учился на военном факультете Академии связи им. Подбельского, в которой был один из лучших московских двусветных залов, то имел возможность иногда вечером или в воскресные дни утром организовывать товарищеские встречи, на которые приходили В.Травкин, В.Клингер, Е.Горбатов и даже известные московские знаменитости - Андерсон, Нольде, Осколкова, Войт, Гурко и другие.

Игры шли азартно, горячо, весело, дружески, а последнюю "отходную" сражались на "интерес" - игроки проигравшей команды должны были на своих спинах и плечах несколько раз по периметру зала прокатить игроков выигравшей команды.

В школе было принято посещать художественные выставки, на которые нас иногда водил Я.А. Башилов, стараясь привить нам здоровый художественный вкус, рассказывая о различных современных течениях и направлениях в изобразительном искусстве. Бывали мы и в музеях Л.Н. Толстого, изящных искусств, Третьяковской галереи. Практиковались в

школе и коллективные посещения театров, но, правда, редко.

Помню, как в школе организовался театральный кружок, не самодельный, а настоящий', руководить которым согласился известный артист театра им. Вахтангова, один из его учеников Василий Васильевич Куза. (К сожалению, погибший в годы ВОВ во время бомбежки столицы). Записалось много желающих. И вот пришел в школу худой, прямой, стройный, сидящий, красивый, хорошо и строго одетый артист для знакомства и предварительной проверки способностей записавшихся и отбора самых достойных. Впечатление он произвел сильное и благоприятное, но лицо казалось суровым, даже аскетическим, что немного смущало.

Народу собралось прорва, не столько желающих заниматься, сколько поглазеть, набилась целая куча, сгоравших от нетерпения и любопытства, разных симпатичных малышей из 5 и 6 классов. Еле-еле разместились вдоль стен самого большого школьного кабинета, называвшегося "математичкой", оставив середину для артиста и экзаменуемых. Я тоже записался, но чувствовал себя как-то неловко неуверенно и неуютно, но взялся за гуж, не говори, что не дюж!

Занятия начались. Куза проводил их тактично, мягко, деликатно, стараясь раскрепостить испытуемых ребят, прекрасно понимая, да и просто видя, как им сейчас трудно и непривычно.

Он давал различные задания, одному прочитать на память стихи, другой отрывок из книги, третьему что-нибудь изобразить и т.д. Дошла очередь и до меня, я-то надеялся, что он даст прочитать стихи, я готов был прочитать Пушкина, Лермонтова, Блока или Маяковского наизусть, но мне, как всегда, не повезло и досталось изобразить мимически и жестами пришивание несуществующей пуговицы к несуществующей рубашке воображаемой иглой, в которую предварительно надо было вдеть воображаемую нитку, отмотав ее от несуществующей катушки.

Нитку, правда чересчур длинную, в иголку удалось кое-как просунуть, завязать на ее конце узелок, а вот остальные действия вызывали дружный, не без ехидных хихиканий, в особенности девочек, смех, иногда переходивший в общий хохот, тут ведь стоит только пустить первый смешок, а там пойдет как инфекция...

Между прочим, и у тех, кто выступал с подобными заданиями до меня, тоже получалось не больно здорово, но все равно я, от напряжения вспотел, как будто мешки таскал, застеснялся, смутился, сконфузился и навсегда покинул "театральные подмостки", не досидев до конца испытаний.

В конце 1929 года под влиянием модных тогда в Москве многочисленных литературных вечеров и диспутов, споров и дискуссий между различными группировками писателей и поэтов, а тогда существовали «кузница», «перевал», конструктивисты, ЛЕФ, РАПП, напостовцы, издававшие журнал «На литературном посту», отсюда и название «напостовцы» и др. Инициативная группа ребят Алёша Яночкин, Борис Рудяков, Семен Диковский, Дмитрий Смолин, Наталья Ефремова, Лев Чечик, Ирина Винокурова, Наталья Рыкова, автор этих строк, решили организовать школьный литературный кружок под громким, но не очень ясным, названием «Лим», что означало «литературу-молодёжи». Председателем почему-то выбрали меня, однако ни у кого из нас твердых литературных устремлений не было, хотя все мы отдавали предпочтение Маяковскому. Это нас и сблизило. На первом же собрании кружка решили провести школьный литературный вечер с привлечением на него некоторых поэтов "маяковского" направления - Николая Асеева, Семена Кирсанова и самого В.В. Маяковского.

Мне, как одному из организаторов кружка, к тому же по уши влюбленному в Маяковского, было поручено подготовить доклад о нем и пригласить самого поэта.

Подготовить доклад хоть и не просто, но возможно, а вот пригласить его самого...

даже подумать страшно.

Но, назвался груздем, полезай в кузов, как учит народная пословица. В воскресенье днем пошел на Лубянский проезд, д.3 (ныне, думаю, по недосмотру Моссовета, - проезд Серова, а не Маяковского), зашел во двор, поднялся к квартире, где жил Владимир Владимирович, но зайти не осмелился, все время пробирала противная мелкая дрожь, вроде сыпи. Вечером пошел снова, в темноте не так боязно. Поднялся к квартире, еще раз прочитал написанную на клочке белой бумаги, заткнутом за провода над звонком, надпись "Маяковскому" и, не успев нажать кнопку звонка, а может быть и нажал, как дверь распахнулась и показался Маяковский, уже одетый.

- Вы к кому?

Я от смущения, вместо того, чтобы ответить "к Вам", не нашел ничего умнее, как сказать "к Маяковскому".

- Я Маяковский, - и ласковая, ободряющая улыбка. - Я иду в театр на репетицию, идемте вместе, а по дороге расскажете, что вам нужно.

По дороге, а была она длинная, так как шел он в театр им. Мейерхольда, размещавшийся на Садово-Триумфальной площади (ныне пл. Маяковского), я как-то осмелел и подробно рассказывал ему о школе, почему называется "школой-коммуной", о политехнизации ее, работе в мастерских, производственной практике на московских фабриках, и заводах, о самообслуживании в столовой, в классах, в лабораториях, о любимых преподавателях, о нашем литкружке, а потом высказал просьбу прийти к нам на вечер.

Маяковский был внимателен, расспрашивал о литературе, интересовался тем, что мы читаем, читаем ли его, Маяковского, стихи, какие именно, нравятся ли они.

Шел он не по тротуару, а по краю мостовой, на тротуаре ему было тесно, шел быстро и широко, не забывая, однако, изредка поглядывать через плечо сверху вниз, на мои старания не отставать и идти в ногу с ним, замедляя и укорачивая шаги.

Владимир Владимирович охотно согласился быть на вечере, записал на папиросной коробке телефон школы, фамилию и обещал позвонить, когда он сумеет выкроить время.

В понедельник после уроков собрали кружок, на котором я, стараясь ничего не упустить, рассказал ребятам о встрече с поэтом и его предварительном согласии приехать к нам. Мы разделили обязанности между собой, кто что готовит, о чем будет говорить или читать на вечере, чтобы было разнообразно и интересно всем присутствующим, в том числе и Маяковскому, установили короткие сроки, так как не знали, когда он позвонит, чтобы у нас все было подготовлено.

Через несколько дней дежурный по школе вызывает в раздевалку, где в телефонной комнатке стоял единственный в школе аппарат, Слушаю и ... замираю - Маяковский:

- Дела мои сложились так, что быть у вас на вечере никак не могу. Прошу извинить. В следующий раз обязательно буду. И хотя вечеру с участием Маяковского в нашей школе не суждено было никогда состояться, мой "литературный" авторитет значительно вырос, т.к. говорили с завистью: ему звонил САМ Маяковский.

1 февраля 1930 г. в клубе писателей на ул. Воровского открылась творческая выставка - отчет Б.В. Маяковского "20 лет работы". Все комнаты, коридоры, лестницы писательского особняка, описанного Львом Толстым в «Войне и мире», заполнены веселой, жизнерадостней публикой, в основном молодёжью. Кто пришел и не однажды ходил на эту выставку? Ударники фабрик и заводов, студенты вузов, техникумов, рабфаков, старшие школьники и пионеры, именно та "комсомольская" аудитория, которую больше всего любил Маяковский, а уж как горячо и преданно она любила поэта и говорить нечего!

Настроение приподнятое, в раздевалке свободных мест нет, а ведь на дворе февраль, холодно, верхнюю одежду складывали на скамейки и стулья около раздевалки, никаких номерков и никаких волнений, никаких недоразумений, все оставалось в полной сохранности.

В выставочных залах шумно и весело. Нет обычной мертвящей тишины, характерной для некоторых музеев и выставок, где надо ходить на цыпочках и разговаривать шепотом, как у постели тяжело больного или в доме покойника.

Среди присутствующих встречаются известные литераторы А.И. Безыменский, В.В. Казин, Н.Н. Асеев, В.П. Катаев, В.А. Катанян, Л.А. Кассиль, И.С. Рахилло, И.О. Гроссман-Рощин, В.А. Инбер.

А вот и сам виновник торжества - Маяковский - с папирсой во рту и стаканом крепкого чая в руках, с трудом пробивается из одной комнаты выставки в другую, беседуя на ходу с молодёжью, остря и шутя приветливо и нежно и, следом за ним, то тут, то там возникают вспышки смеха.

Толпа тесным клубком идет по пятам, каждому хочется видеть и слышать его, побыть рядом, сказать ему что-нибудь приветливое и теплое.

После подробного ознакомления посетителей с выставкой Маяковский еще раз обходит комнаты и басом, которому завидовал Шаляпин, в каждой объявляет:

- Товарищи! Через 20 минут прошу в зрительный зал.

Все устремляются в тесный и маленький камерный залик, чтобы занять место поближе к трибуне. В первом ряду сидели мать и сестры поэта, окруженные почтительным вниманием присутствующих.

Самые крупные, так называемые, "маститые" поэты и писатели демонстративно не пришли на выставку, чтобы лишний раз подчеркнуть свое высокомерное, неуважительное отношение лично к Маяковскому и его труду.

Маяковский читает вступление к поэме о пятилетке, первой советской пятилетке, "Во весь голос", которое потрясает слушателей.

Как он умел читать! На выставку мы с Алешей Яночкиным и Борисом Рудаковым ходили во всякий свободный вечер, чтобы еще и еще увидеть и услышать Маяковского.

(В скобках замечу, что в апреле 1980 г., в связи с 50-летием выставки "20 лет работы" в Доме Маяковского "та выставка" была как бы заново "открыта", вторично.

Конечно, кое-каких экспонатов, плакатов, окон Роста, книг и материалов уже не доставало, но в целом она выглядела полно и интересно, так что усилия сотрудников Дома Маяковского несомненно достигли цели и успеха.

Народу было много, пришли известные литераторы, художники, представители молодежи. Но, когда я попросил председательствующего обратиться к присутствующим в зале и в президиуме с просьбой поднять руку тех товарищей, которые были на той, первой выставке в 1930 году, то таких оказалось всего несколько человек: Валентин Катаев, Борис Ефимов, Василий Казин, народный художник СССР Николай Денисов, Наталия Брюханенко и пишущий эти воспоминания).

Сам Маяковский на выставке бывал не каждый день и я помню, как однажды мы долго, очень долго, ждали его в зрительном зале, а кто-то из активистов, кажется, тов. Кольцова, настойчиво "вызывала" его из дома и поэт, несмотря на болезнь, все-таки приехал, прочитал несколько коротких стихотворений и, извинившись, какой-то грустный, расстроенный, незащищенный, уехал домой. Все присутствующие в зале встали и проводили его бурной овацией.

И вот тогда-то, именно в этот вечер, на трибуну буквально «вырвался» Александр Безыменский и в короткой горячей речи призвал присутствующих создать бригады по распространению в массах творчества Маяковского. Это предложение было встречено буквально рукоплесканиями и тут же в зале началась запись желающих вступить в такие бригады, которые получили известность по всей стране под названием "Бригад Маяковского", особенно после его смерти.

На этом вечере мы с Алешей Яночкиным и Борисом Рудяковым записались в школьную бригаду» так как учились в 9 классе школы. Что же мы делали?

Проводили в школах и пионеротрядах Москвы беседы, встречи, споры на литературные темы, выступали с чтением стихов Маяковского.

На первом же сборе бригады было решено попытаться организовать вечер Маяковского для пионеров и школьников города. Мне, как проживавшему на Кузнецком мосту, рядом с радиотеатром, который помещался в здании Центрального телеграфа на Тверской, д.7, ныне улица Горького, поручили сходить туда и разузнать нельзя ли такой вечер провести у них и сколько это будет стоить?

Сходил, встретили приветливо, обещали. Вечером пошел на выставку, чтобы спросить согласие Маяковского.

Он, как обычно, разгуливает по комнатам выставки со стаканом чая и папиросой, делает затяжку, запивает ее чаем, в результате никакого дыма изо рта у него не выходит.

Подхожу и "докладываю" о решении нашей бригады, Внимательнейше выслушав и узнав, что вечер намечается в радиотеатре, Владимир Владимирович прямо просветлел:

- Люблю радиотеатр. Прекрасная аудитория, а, главное, слушают тысячи.

(Все вечера, проходившие в радиотеатре, транслировались по радио, поэтому его и называли "радиотеатром").

Затем Маяковский спросил о дне проведения вечера, его программе и докладчике. Я ему ответил, что лучшего докладчика, чем он сам не найти.

- Это же Ваша встреча с пионерами и школьниками столицы.

Тогда он очень довольный пошутил:

- На этом вечере будет слишком однообразное меню. Я - на первое, я - на второе, - я – на третье.

Дальше предстояло коснуться самой больной и деликатной стороны вопроса - денежной, т.е. сколько нужно будет заплатить Маяковскому за выступление. Начал я довольно сбивчиво и осторожно говорить, что раз вечер для пионеров и школьников, то билеты должны быть самыми дешевыми, да еще дерут за помещение...

Маяковский сразу понял все и перебил:

- Цены на билета устанавливайте такие, чтобы только хватило уплатить за помещение.

Как будто гора с плеч: дано согласие и бесплатно!

Затем Владимир Владимирович просил заранее его предупредить о дне вечера, так как он сейчас много работает в театре, занят с выставкой и, напоследок, очень мягко, почти нежно сказал:

- Нужно будет помочь - помогу. Звоните, заходите, и протянул руку. Маяковский был властителем дум молодёжи. Он не подавлял своей величественной красотой, знаменитостью и непокорностью, а как-то незаметно, ненавязчиво поднимал присутствовавшую на вечерах и встречах молодёжь до себя и мы это понимали,

чувствовали и, как умели, тянулись к нему.

Кстати, это интересно, правдиво и остро показано в январе 1967 г. по телевидению в киноленте, пролежавшей 18 лет в фондах Госкино, "Штрихи к портрету Ленина. Коммуна "Вхутемас", когда Владимир Ильич с Надеждой Константиновной Крупской в феврале 1921 г. беседуют с учащимися этих художественных мастерских. Ребята непрерывно и страстно читали Ленину стихи Маяковского. Владимир Ильич был немного удивлен, смущен и взволнован таким отношением молодёжи к поэту.

Маяковский олицетворял в поэзии все новое, здоровое, молодое и революционное. Все лучшее в поэзии о Ленине, партии, рабочем классе написано им, он всегда стремился поднять интересы молодёжи до уровня задач, которые ставила партия перед народом и страной.

Вся его поэзия устремлена в будущее. Молодёжь любила его за необыкновенную простоту и искренность, прямолинейность, справедливость и застенчивость, равнодушие к подлости и пошлости, нетерпимость к недостаткам, за умение быстро, оперативно и наступательно, обязательно с партийных позиций, откликаться на самые важные и острые международные и внутренние события и факты. И не случайно Маяковский бил теснейшим образом, до самых последних своих дней связан именно с "Комсомольской правдой", которую молодёжь страны любила за боевитость, злободневность, широкий диапазон поднимаемых ею политических и воспитательных тем и проблем, борьбу за здоровый быт, высокую нравственность советской молодёжи, преданность партии большевиков и любовь к Отечеству.

Ему до всего было дело, он смело и дерзко ввязывался в бои, невзирая на ранги и авторитеты противников или друзей. Всякая неправда, ложь и фальшь причиняли ему боль. Если он был убежден, что защищает правое дело, то шел напролом и дрался до последнего!

Как бы ему было хорошо работать и жить в сегодняшнее время!

В один из вечеров на выставке мы попросили Маяковского сфотографироваться с нашей школьной бригадой его имени, он охотно согласился. Фотограф долго возился, прицеливался, свет был не очень ярким, а Владимир Владимирович с беспокойством оборачивался, боясь кого-нибудь из нас заслонить своей исполинской фигурой. Где эта драгоценная для меня фотография - не знаю, т.к. в марте 1930 г. уехал трактористом на Ср. Волгу, а когда вернулся, Маяковского уже на свете не было.

Управление школьной жизнью - решения о приеме в школу, вынесение наказаний за нарушение порядка, проведение празднования революционных событий, вечеров самодеятельности, организация кружков, спортивных мероприятий принимались не директором школы, а его организационным комитетом, в который избирались самые достойные, дисциплинированные, хорошо учившиеся, наиболее развитые, волевые ребята и девушки разных классов, секретарь комсомольской организации, пионервожатый, некоторые преподаватели. Особо важные решения утверждались директором. Помню двух председателей Оргкома - Веру Апенченко и Абрама Ширмана. В обычных школах избирался учком, т.е. ученический комитет. Но ученический он и есть ученический. А в МОПШК'е избирался Оргком, т.е. организационный комитет школы, а не только учащихся, ясно, что его задачи и рамки были гораздо шире, просторнее и ответственнее.

Оргком был подлинным органом самоуправления школы и пользовался уважением и доверием не только учащихся, но и учителей и сотрудников школы

Оргком - большая организующая и воспитующая, постоянно действовавшая сила, приучавшая ребят к самостоятельности, дисциплинированности, уважению к старшим, повышению личной ответственности и товариществу, развитию инициативы, решительности, гордости, умению защищаться, сохранять достоинство и выдержку.

В годы, когда учились мы, т.е. до 1930 года включительно, товарища Лепешинского в школе уже не было, он навещал ее только изредка, но уж в день годовщины создания школы, мне почему-то запомнилась дата - 29 октября, но за точность поручиться не могу - когда в школе собирались бывшие ее ученики, гостей приходило много, Пантелеймон Николаевич присутствовал непременно.

Бывали и некоторые родители, чьи дети учились в школе. Это было необыкновенное торжество, к нему готовились взволнованно и старательно, школа жила ожиданием праздничного дня, наступало радостное, приподнятое настроение. Выпускалась специальная "юбилейная" стенгазета с фотографиями учителей и старых «мопсов», стихами, карикатурами и воспоминаниями.

Спортзал преобразался в концертный, для чего с чердака приносили и устанавливали разобранное оборудование для сооружения сцены - балки, доски, половицы, кронштейны, занавес, скамейки для зрителей, т.к. стульев не хватало, а в угол зала вкатывали рояль, стены увешивали хвойными гирляндами, для чего за лапником снаряжалась группа ребят, имевших собственные велосипеды - Збарский, Ганецкий, Цюрупа, Смирнов, Фрумкин, Квининг, бр.Фрейман. При входе в школу висел огромный транспарант "Добро пожаловать!", на стенах перед входом в зал размещали стенды с плакатами и рисунками, выполненными ребятами, здесь большую выдумку и усердие проявляли В.Унксов, Б.Хачатурянц, Ю.Гоникберг, Т.Кожина, А.Варга, А.Яночкин, С.Букалов, И.Винокурова, Н.Завадовская, Д.Подвойская, О.Пистрак, В.Михайлова, Х.Ганецкая, Т.Руднева и другие.

Над столом президиума прикрепляли, обрамленный кумачом, большой портрет Лепешинского, выполненный Яковом Александровичем Башиловым.

Ребята встречали Пантелеймона Николаевича у школьных ворот, гурьбой сопровождали его в раздевалку и вели в уже переполненный зал, при входе в который, все присутствующие ученики, вставали.

Начиналось торжественное собрание, в конце которого с краткой речью, доброй и мягкой, выступал взволнованный Лепешинский, поздравлял коллектив учителей и учащихся с годовщиной школы, желал успехов в труде и учебе и призывал хранить и приумножать славные школьные традиции.

После торжественного собрания проходил концерт или вечер самодеятельности. Атмосфера праздника была трогательная и единодушная.

По окончании вечера ребята старших классов разбирали сцену и выносили все конструкции на постоянное место их хранения - на чердак, туда же складывали и скамейки.

Зал приводился в порядок для завтрашних занятий спортом. Школой много лет руководил Моисей Михайлович Пистрак, человек небольшого роста, толстенький и круглый, очень подвижный, быстрый, приветливый, один из видных деятелей народного просвещения.

Имя его хорошо знали не только в Наркомпросе, но и в многотысячной учительской среде страны по его энергичным выступлениям в газетах и журналах по вопросам обучения и воспитания молодежи, он спорил, пропагандировал, убеждал. Мы его уважали и слегка побаивались, хотя жил он в школе на первом этаже с семьей, поэтому видели его в течение дня не один раз. Но я не припоминаю, чтобы он проводил уроки, кроме редких выступлений на общих собраниях и торжественных вечерах.

Строгий, в высшей степени требовательный, но справедливый или, как теперь модно говорить "демократичный", с учащимися разговаривал просто, спокойно, с юмором, на равных, не повышая голоса и не подчеркивая, что директор - он, а не ты.

В один из вечеров, после работы в автомастерской, инициаторы всяких спортивных начинаний Владимир Травкин и Богдан Хачатурянц, физически самые сильные и мускулистые ребята не только нашего класса, но и всей школы, высказали мысль, что хорошо бы поучиться боксу. Мысль всех заинтересовала, конечно, хорошо, но боксерских перчаток-то не было. И тут самый сообразительный, способный "математик", впоследствии ставший доктором технических наук, профессором Артиллерийской Академии им. Дзержинского Женька Горбатов, по кличке "Пончик", предложил обмотать кулаки рабочими брезентовыми фартуками, в которых мы работали в автомастерской, завязать их и попробовать побоксировать. Сказано-сделано. Все шло хорошо, менялись пары "боксеров", остальные строго следили за соблюдением правил, чтобы не били ниже пояса, как вдруг, словно снег на голову, в мастерскую заглянул Моисей Михайлович, может быть он искал своего сына Олека, который был с нами или просто так зашел, неизвестно.

Мы остолбенели, пораскрывали от неожиданности рты, как в известной гоголевской немой сцене "Ревизора", - надо же было так бездарно влипнуть!

Моисей Михайлович с минуту постоял, посмотрел и, не сказав ни слова, ушел.

Мы размотали фартуки, отругали Пончика за его глупую выдумку и с вытянутыми физиономиями отправились по домам...

А через несколько дней в школе появились две пары новеньких боксерских перчаток.

Школа была передовой, правофланговой не только в своем Хамовническом районе, но и в столице, пользовалась общим уважением и неизменным расположением жителей окружавших школу улиц и переулков, т.к. ни ссор, ни драк у нас никогда не бывало, школа была боевая, но тихая, спокойная, авторитетная, настоящий рассадник просвещения и культуры.

Что же, учащиеся были "маменькиными сынками", тише воды и ниже травы?! Ничего подобного. Конечно же мы, как и ученики всех других школ, были полны энергии, задора, прыти, бегали, шумели, веселились, радовались, как и подобает здоровым детям, играли в чехарду, салочки, прятки, казаки-разбойники, лазали по пожарной лестнице на крышу трехэтажной школы, случались и нарушения дисциплины и порядка, но никогда они не опускались до грубостей, безобразий, уличной ругани и, тем более, хулиганства. Значительную воспитательную роль играли газеты "Пионерская правда" и "Комсомольская правда", которые регулярно читали пионеры и школьники.

Атмосфера в школе была живая, деятельная, дружественная, чему активно способствовали прекрасные учителя, ученики старших классов оберегали младших ребят, помогали им, а уж отношение к прекрасному полу было просто рыцарским, даже с оттенком нежности, к этому нас приучали и дома и в школе.

Мне хочется назвать некоторых товарищей - старшеклассников, которых я помню как неугомонных общественников, оказывавших доброе влияние на нас: Казарновского, Фейгина, Апенченко, Дзержинского, Орлову, Бобкову, Попову, Кричман, Смидович, Савельева, Соболева, Рапоппорта, Шнитникову и младшеклассников, полных энергии, задора, всякой выдумки, шедших нам на смену -Хавкина, Ершову, Дубровинского, Лозинского, Фрумкина, Кочегарова, Смирнова, Гоникберг, Данишевского, Мостинского, Квирина, Томсона, Ногину, Ветчинкина, Лепешинскую, Ворошилова, Кабакчиева, Спивак, Эпштейн, Броннера, Харитонову, Березанскую, Богданова, Прушицкую, Миллер, Пищеву, Михлина, В.и Г. Михайловых, Ганецкого, Беленького, Моргулис, Третьякову, Яковлеву, Ганецкую.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ШКОЛЫ

Учеба и труд в школе были естественны, привычны и ни у кого не вызывали сомнений и возражений. Но в школе существовала и безоговорочно действовала, не зная кем и когда сформулированная, железная и неотвратимая максима: тот не «мопс», кто только учится. Этого было недостаточно и означало, что труд и учение должны обязательно и безусловно дополняться и украшаться еще и общественной деятельностью учащих, всего школьного коллектива.

Именно поэтому общественная жизнь школы была яркой, боевой, полнокровной, школа чутко, быстро и активно отзывалась на события, которыми жила страна и ее столица. Приведу несколько примеров.

ЛИКБЕЗ. Культурная революция, охватившая страну, явилась коренным переворотом в духовном развитии народа, важным составным элементом которого стало создание социалистической системы народного образования и просвещения и, в первую очередь, ликвидация в стране неграмотности, т.е. массовое обучение населения умению читать и писать.

В дореволюционной России, по данным переписи населения 1897 г., неграмотные составляли 71,6%, а в 1926 г. в СССР -43,6%, а в деревне – более 50%. [КПСС. Справочник 220-2^1 стр. СЭС - стр.709.]

По призыву партии развернулось движение за ликвидацию безграмотности ("Ликбез") под лозунгом "грамотный обучи неграмотного". Общее число культармейцев достигло к 1930 г. почти миллиона человек, а различными школами ликбеза было охвачено свыше 30 млн. неграмотных.

Учащиеся старших - 8 и 9 классов школы постоянно и длительное время участвовали в ликвидации безграмотности среди трудящихся фабрик и заводов Хамовнического района г. Москвы.

Мне поручили заниматься на кондитерской фабрике "Красный Октябрь", недалеко от школы, но... на другой стороне Москва-реки, поэтому я пользовался частотами лодок старичков-рыбаков, охотно перевозивших всех желающих, по пяточку с носа, удобно и недорого, но иногда приходилось ожидать и довольно долго, пока лодка сплавает на тот берег, наберет там пассажиров и вернется на нашу сторону.

Ко мне прикрепili группу рабочих, среди которых был и немолодой уже, передовой рабочий, член фабричного комитета, если память не изменяет товарищ Поляков, который в силу трудных условий детства, затем империалистической и гражданской войн, не имел возможности учиться. На первом же занятии он, смущаясь и волнуясь, отозвал меня в сторонку и попросил, если можно, позаниматься с ним отдельно и научить его писать свою фамилию, т.е. расписываться, что мы с ним одолели довольно быстро, и я не мог скрыть своей мальчишеской или юношеской гордости, когда увидел его сияющие глаза, радость взрослого человека, научившегося писать свою фамилию. Ну, а в дальнейшем освоили всю азбуку, обучились чтению и письму, оба были счастливы.

Конечно, на первых порах из-за отсутствия не только опыта, но даже навыков в обучении, было непросто, а потом наладилось, я перестал смущаться и стесняться, все пошло хорошо, интересно и этот труд доставлял большое нравственное удовлетворение.

К концу первой пятилетки были в основном решены задачи введения в стране всеобщего обязательного начального обучения, а в городе - всеобщего семилетнего обучения.

ЗАЕМ. В апреле 1926 г. Пленум ЦК КП(б) отметил, что индустриализация страны «определяет рост всего хозяйства в целом по пути к победе социализма», что нужно

соблюдать суровый режим бережливости и экономии, беспощадно бороться с непроизводительными расходами, т.к. на индустриализацию, т.е. создание материально-технической базы социализма, нужны деньги, много денег, а капиталисты займы деньги не дают, нужно находить и использовать свои, внутренние ресурсы, Трудящиеся пришли на помощь государству своими скромными средствами.

В октябре 1937 г. был выпущен первый заем индустриализации на сумму 200 млн. рублей и началась на него подписка. [КПСС. Справочник. Политиздат 1978 г. - стр. 199.] В городах, на заводах и фабриках, в советских учреждениях подписка шла полным ходом, а вот в селах и деревнях подписывались туго, неохотно, понемножку.

И мы неоднократно выезжали в подмосковные села и деревни с целью распространения среди крестьян государственных займов. Выезжали с заранее подготовленной самодеятельной "концертной" программой: исполняли небольшие сценки по рассказам Чехова и Зощенко, неизменно вызывавшие улыбки и смех слушателей, читали Тургенева, пели хором и соло, читали стихи Маяковского и Есенина.

Лена Розенгольц захватила с собой патефон, в те годы это было в диковинку, заводи пластинки с русскими и советскими песнями. Старались расположить жителей к себе, установить с ними добрый контакт, а потом уже деликатно, степенно, неторопливо и уважительно разъясняли значение займа, необходимость помочь государству в индустриализации страны и делали упор на то, что на деньги, вырученные от продажи займа, будут построены фабрики и заводы, электростанции, школа и детские сады, в деревни и села сельским жителям будут дополнительно направлены необходимые товары, ситец, обувь, одежда, сапоги, спички, керосин, мыло, табак, сельскохозяйственные инструменты, косы, грабли, вилы, топоры, пилы, грузовые автомобили и т.д.

И заканчивали стихотворением Маяковского "Автомобиль" [В.Маяковский ИХ 1958 г. т.9, стр. 316], где есть такие строчки:

Слив
в миллионы
наши гроши Построим
заводы
автомашин.

Подписывались трудно, недоверчиво, сомневаясь и кряхтя, но, все-таки подписывались, и ш радовались каждой десятке или пятерке и по возвращении в Москву, сдавая вырученные деньги, понимали и чувствовали, что сделали хоть и маленькое, но полезное дело.

ЦЕРКОВЬ.

Религия, по словам Энгельса, есть "фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни".

Причина возникновения религии - бессилие первобытного человека в борьбе с природой, а с возникновением классового антагонистического общества, - бессилие перед стихийными социальными силами, господствующими над людьми.

Маркс писал, что "религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм". [СЭС стр.87, 1113]

В стране и в столице проводилась широкая антирелигиозная пропаганда, являвшаяся обязательной составной частью коммунистического воспитания трудящихся, и борьба за добровольное, с согласия самих верующих, закрытие церквей.

Школа наша имела крайне "неудобную" соседку - в 50 м размещалась старинная,

построенная еще в 1702 году, церковь Ильи Обыденного, отсюда и три Обыденских переулочка, служба в которой шла утром, днем и вечером и колокольный звон, в котором хотя и было что-то красивое и волнующее, этого я отрицать не могу, но постоянный колокольный звон к заутрени, обедне и вечерне надоедал и сильно мешал занятиям, особенно вечерним. Именно вечерами мы занимались в 9 классе изучением политэкономии и металловедения, да и вся общественная школьная работа велась после окончания дневных занятий.

Кстати, политэкономия в 1929-30 гг. вел сравнительно молодой преподаватель, будущий советский академик, член партии с 1914 года, Константин Васильевич Островитянов, соавтор известного учебника политэкономии "Лапидуса и Островитянова", а металловедение преподавал инженер Енишерлов.

Учащиеся старших классов школа принимали деятельное участие в кампании по закрытию церкви во 2-м Обыденском переулочке. Дело это тонкое, деликатное, т.к. без абсолютно добровольного согласия 80% прихожан этой церкви, проживавших в близлежащих улицах и переулочках, с личной росписью в журнале за себя или за всех жильцов квартиры, о закрытии церкви не могло быть и речи.

Вечерами, после занятий, когда основная масса населения находилась дома, мы обходили все без исключения квартиры, отдельные и общие, жильцы которых собирались в кухне или коридоре, реже в чьей-либо комнате и долго, терпеливо призывали и уговаривали жильцов дать свое согласие на закрытие церкви Ильи Обыденного.

В некоторые квартиры заходили по второму разу, жильцы просили дать им время поразмыслить и посоветоваться. Никаких серьезных антирелигиозных бесед и разговоров не вели, т.к. к ним не были достаточно подготовлены, да и не имели такой цели, а привлекали внимание к общественному значению закрытия церкви, просвещению молодёжи, соблюдению в районе тишины. Решительнее всех против закрытия церкви возражали наиболее старые и пожилые люди, верившие в бога или просто привыкшие с детства, в течение всей жизни к посещению церкви, как к чему-то само собой разумеющемуся, необходимому, интересному и обязательному.

В разговоре с такими людьми, в особенности со старушками, всегда настроенными воинственно и решительно, нам, а ходили мы по 2-3 человека, т.к. одному школьнику с такой задачей успешно справиться совершенно невозможно, активно, смело и горячо помогала молодёжь - комсомольцы, пионеры, школьники, конечно коммунисты и образованные взрослые данной квартиры, уговаривая своих жен, родителей, дедушек и бабушек бросить ходить в церковь и дать согласие на ее закрытие.

Должен честно признаться, что наши усилия и усердие так и не увенчались успехом, церковь эту закрыть не удалось, недособирали мы требовавшегося процента подписей. И до сих пор она ведет службу, только без колокольного звона.

А вот Маяковский бил без промаха по очагам религии, в 1928 году он резко выступил за снос Страстного монастыря на Страстной площади («снесем Страстной и выстроим ГИЗ») и переименование самой площади ("Пусть по-новому назовется площадь"). [Маяковский, ПСС, т.9 стр.246.]

Его призыв не пропал даром: в 1937 году, к столетию со дня смерти А.С. Пушкина, Страстного монастырь был снесен, а площадь переименована в Пушкинскую!

Попадание прямо в церковное яблочко!

"ЛЕГКАЯ КАВАЛЕРИЯ". Так называлось движение советской молодёжи в 1920-30 гг., возникшее по инициативе комсомола в 1926 г. в целях борьбы с бюрократизмом и злоупотреблениями, как форма участия молодежи в общественном контроле. Группы и бригады "легкой кавалерии" проводили внезапные «рейды», летучие ревизии на предприятиях и в учреждениях. Руководили этими действиями комитеты ВЛКСМ и органа

партийного и Государственного контроля. [СЭС стр. 694]

По заданию Хамовнического райкома комсомола и комитета ВЛКСМ школы многие ученики, и я в том числе, с большим интересом и старанием участвовали в работе "легкой кавалерии", яростно боровшейся с бюрократизмом, волокитой, нарушениями порядка и дисциплины в различных организациях района по письмам и жалобам трудящихся.

Делали мы эту работу энергично, оперативно и справедливо, ни одно письмо трудящихся не оставалось без быстрого и правильного ответа.

ПЕРЕБОРКА И СОРТИРОВКА ОВОЩЕЙ.

Хамовнический райком комсомола регулярно в течение учебного года давал комсомольской организации школы задания по переборке и сортировке картофеля, моркови, капуста, репы, турнепса, лука, помидор, огурцов и других овощей, а иногда и фруктов, в продовольственных и овощных магазинах на ближайших к школе улицах Остоженке, Пречистенке, Волхонке, Воздвиженке и других.

Хочу засвидетельствовать, что в те годы в подвалах и складах магазинов существовал высокий и строгий порядок, мы видели хозяйское, бережливое отношение со стороны работников к продуктам и учились беречь народное добро, трудиться добросовестно и честно. Нас встречали и провожали приветливо, с радостью, приглашая обязательно приходить еще и помогать им в работе. Штаты в магазинах были скромные и нагрузка сотрудников была большая. Нередко, работая в подвалах, дружно, может быть не очень складно, пели песни, "Картошку", «Взвейтесь кострами синие ночи», "По морям по волнам" и др., особенно если в состав напей бригады попадались хорошие певуны, вроде Мирры Эпштейн, Тани Кожиной и других девушек.

В конце августа 1929 г. в Москве на стадионе "Динамо" состоялся Первый Всесоюзный слет пионеров. От школьной пионерской организации делегатом съезда была выбрана Нина Ершова, 15-летняя девочка из 8 класса: высокая, стройная, как молодая березка, тихая, спокойная, умная, она пользовалась среди пионеров и школьников симпатией за скромность, приветливость и смешливый характер, несмотря на тяжелое детство, о котором в школе было известно (ее отца-большевика в 1919 году в Пятигорске расстреляли деникинцы, мать умерла от тифа, и Нина осталась круглой сиротой в пятилетнем возрасте).

После возвращения со слета, она выступила в начале сентября на общем собрании пионеров и школьников и поделилась своими впечатлениями от слета, рассказала сколько было делегатов, кто выступал на нем, что было там самым интересным и отметила, как тепло и единодушно участники слета встретили выступление Владимира Маяковского, который специально для них написал и прочитал стихотворение «Песня-молния». [В.Маяковский, т.10 стр. 275] Приведу из него первое и последнее четверостишие:

За море синеволное,

За сто земель

и вод

Разлейся, песня-молния

Про пионерский слет...

Вперед, отряды сжатые,

по ленинской тропе!

У нас

один вожатый - Товарищ ВКП.

Постоянное участие шкода в различных городских и районных начинаниях и

мероприятиях поднимало авторитет коллектива преподавателей и учащихся школы, украшало ее общественное лицо.

УЧИТЕЛЯ

Глубокой благодарностью, любовью и нежностью хочется вспомнить и отметить необыкновенную плеяду высокопросвещенных преподавателей школы, по учебникам которых училось не одно поколение школьников страны.

Никаких конспектов, полная свобода и раскованность, - ум, руки, доска, мел! Красивые, строгие, выразительные жесты, которые дополняли и украшали речь, способствуя ее пониманию и усвоению материала. Жест - это огромная сила, вспомним Ленина, Луначарского, Маяковского.

И почти неуловимый, но постоянный, надежный, тесный контакт с аудиторией. Вот такие подлинные учителя и учили нас,

Математику преподавала "сама" Елизавета Савельевна Березанская, маленького роста, хрупкая, худенькая, предельно строгая и редко улыбавшаяся учительница, но зато как она знала предмет, как умела объяснять казавшиеся страшными и не решаемыми математические комбинации!

Любили ли мы ее? Думаю, что нет, не любили, боялись как огня (а некоторые наши ученики - Шанин, Ляликова, Чечик, Горбатов, Рудяков вовсе не боялись и очень хорошо учились), но поменять на другого учителя никогда не согласились бы. Физику вел Александр Васильевич Перышкин, крупный, живой, с непокорной шевелюрой, добрый и приветливый, совсем еще молодой учитель, но уже автор учебника по физике, мы его искренне любили и физику - тоже, но... меньше.

Химией занимался с нами добрейшей души человек, влюбленный в химию и в таблицу Менделеева, как в молодую девушку, - Дмитрий Максимович Кирюшкин, которого мы, конечно же за глаза, ласкательно и нежно, по сочетанию двух имен и фамилий называли Менделюшкиным. Знал он об этом наверняка, и, по-моему, даже гордился.

Астрономию "внедрял" в нас симпатичнейший, уже немолодой, с крупными очками в железной старинной оправе, делавшими его слегка похожим на крупную рыбу - Михаил Евгеньевич Набоков, уроки которого были захватывающе интересными.

А когда в Москве построили и в 1929 г. открыли первый в СССР планетарий, он немедленно повел нас туда, лично давал объяснения, раскрыв всю прелесть и красоту вселенной и необыкновенные возможности планетария для понимания и усвоения астрономии и жизни в целом.

Биологию преподавала сначала Ксения Ивановна Лакида, но она рано умерла и на ее место пришел Владимир Алексеевич Тетюрев.

В МОПШКе существовал демократический открытый порядок, при котором устный прием экзаменов при поступлении в школу проводился учителями в присутствии всех желающих учеников, в том числе обязательно представителей Оргкома, но при соблюдении полной тишины и невмешательства в ход экзаменов.

И когда я, после окончания семилетки, поступал в школу, то благополучно едал экзамены по математике, физике, обществоведению, русскому языку. Оставалось сдать биологию или естествознание.

Ксения Ивановна задала мне несколько довольно простых вопросов, на которые я с грехом пополам ответил и вдруг, ни с того ни с сего спрашивает:

- А скажи, кстати, что находился в костях птиц? Почему ей пришел в голову именно

этот странный вопрос, да еще «кстати»?

Я мгновенно вспомнил вкусные мозговые косточки во шах, когда жирные блестящие кусочки мозга выковыриваешь и высасываешь из говяжьих костей, заедая густо посоленным кусочком черного хлеба. Большеей вкуснятины на свете и не существует!

Поэтому быстро и уверенно ответил:

- Конечно, мозги, чем вызвал единодушный, мне непонятный хохот присутствующих на экзамене, покраснел, почувствовал как уши налились кровью и понял, что сморозил какую-то чушь и последний экзамен с позором провалил.

Но Ксения Ивановна, после того как утих смех, улыбаясь мягко поправила меня:

- Не мозги, конечно, как ты весьма самоуверенно заявил и попал пальцем в небо, в ко ором птицы, потому именно и летают, что в костях у них находился не мозг, а воздух. А на моем экзаменационном листке написала «Хороший мальчик, но плохо знает».

И, все-таки, несмотря на досадную мою промашку, может потому, что все, в том числе и сама Ксения Ивановна, рассмеялись, скучный экзамен чуть-чуть скрасился и повеселел, решением Оргкома я в школу был принят, чему ужасно обрадовался, так как стремился попасть именно в школу-коммуны и ни в какую другую.

Дело в том, что о МОПШКе мне столько интересного, необычного, почти невероятного, рассказывали ее выпускницы Софья Шнитникова, дочь Лидии Христофоровны Гоби-Шнитниковой, агента Ленинской "Искры", члена Петербургского комитета РСДРП в 1905-07гг., моей родной тети, в семье которой я долгое время воспитывался, и Ирина Попова, дочь старого большевика Константина Андреевича Попова, что я мечтал, именно мечтал о поступлении в нее еще до окончания семилетки.

И чуть-чуть не провалился.

Рисованию обучал известный русский советский художник, один из организаторов АХРР-ассоциации художников революционной России, твердо стоявшей на позициях советской культуры, - Яков Александрович Башилов. Учил увлекательно и страстно, был добр, доверчив и целиком поглощен своим делом, чем мы иногда, к теперешнему стыду своему, потихоньку пользовались, исчезая с уроков, он этого не замечал или по доброте сердечной делал вид, что не замечает.

Историю изучали с Алексеем Ивановичем Стражевым, был он высок ростом, прям, сух, курнос и предельно худ, чем-то напоминая Горького, нещадно курил, поэтому, наверное, и состоял из одних костей, кожи и ума, на голове торчал седой ежик, как у Керенского.

На контрольной письменной работе по истории, которую проводил Алексей Иванович, случился небольшой конфуз.

Стражев медленно прохаживался вдоль своего стола, от окна к стенке и обратно. В классе стояла напряженная тишина. Все сосредоточенно писали, обдумывали написанное и снова писали, некоторые даже повысунули кончики языка, между прочим эта привычка тоже помогала соображать.

И тут, или я у Алёши Яночкина, сидевшего со мной рядом, или он у меня, что-то спросил, но Алексей Иванович услышал, заметил, подошел к нашему столу и весело и громко поинтересовался: ну, кто кого у вас тут консультирует?

В классе раздался смех, мы с Алешей покраснели до корней волос, но Яночкин быстро нашелся: мы, Алексей Иванович не консультируемся, а спорим.

Алексей Иванович улыбнулся и сказал: Это другое дело, раз спорите, то должна будет родиться истина и я попробую отыскать ее в ваших сегодняшних сочинения, так что не прохлопайте.

И отошел.

Учитель был знающий, внешне строгий и все-таки добрый.

Литературу и русский язык преподавали весьма рассеянный Василий Григорьевич Совсун, более известный под псевдонимом "Вагрисов", которым он подписывал свои статьи в литературных газетах и журналах и Ангелина Даниловна Гречишникова - оба мягкие, добрые, сердечные» Предмет знали в совершенстве, занятия вели увлекательно, интересно и свободно.

К ученикам относились приветливо, ласково, поэтому к литературе многих влекло, а блестящие, страстные лекции словесника В.Г.Совсуна ни с какими другими и сравнивать было нельзя - он был весь - вдохновение! Конечно же, это, всё-таки, не математика!

И, несмотря на это, задаваемую на дом для самостоятельной работы литературу просматривали и изучали в пределах, достаточных для получения сносных отметок, которые ставились в то время не по пятибалльной шкале, а в... процентах, но от этого они не становились менее строгими и более доступными.

Вспоминая занятия по литературе приведу свои шуточные дружеские строчки, написанные для школьной стенгазеты:

Литература. Ну, надо там много ли?

С ней все обстояло проще простого –

Сдавали задания по Толстому и Гоголю,

Не читая ни Гоголя, ни Толстого.

Иногда мы, всё-таки, злоупотребляли сердечностью и мягкостью учителей. Кстати, должен признаться, что мне не удалось вспомнить ни одного не только злого, но, даже, сердитого или вспыльчивого, раздраженного учителя. Не было таких.

Физической культурой руководил очень симпатичный, в расцвете сил, полный энергии, движения, действий, чемпион РСФСР 1927 года по рапире Илья Михайлович Яблоновский. Занимались мы гимнастикой, бегом, лазанием по канату, упражнениями на шведской стенке, прыгали через коня и кобылу, волейболом, с упоением сражались во время большой перемены в лапту на зеленой лужайке вокруг, увы снесенного в начале тридцатых годов по чьему-то неразумению или подлости храма Христа-Спасителя, начатого строительством в 1838 и построенного в 1888 году в память о победе над Наполеоном в Отечественную войну 1812 года на деньги, пожертвованные народом России.

Лапта, старинная русская, ныне почти забытая игра, чудесная, молниеносная, веселая, не требующая никакого спортивного инвентаря, кроме литого черного резинового мяча и деревянных самодельных бит, но, требующая ловкости, удали, мгновенной реакции и точного глазомера, умения ловить «свечки», сильно, далеко, без промаха бросать мяч, владеть битой и стремительно мчаться на выручку товарищей по команде.

Хорошая, красивая коллективная игра, дававшая всестороннее физическое развитие, собиравшая вокруг себя десятки зрителей, поддерживавших игроков веселыми и страстными возгласами – «бей», «лови», «держи» и т.д.

А в саду школы мы играли в регби, которой обучил нас Лева Шанин, живший несколько лет в Лондоне с родителями, работавшими в советском посольстве или торгпредстве.

Бегали, как сумасшедшие, охваченные азартом, кричали, давили друг друга, игра интересная, но немного жесткая, да и правил мы как следует не знали,

К сожалению, у нас тогда не было нужного овального мяча и его заменял тугой,

самодельный, крепко сшитый, но... тряпочный, однако все равно было интересно и весело.

Вопросами питания ведала Ульяна Дмитриевна Егорова, очень строгая, но добрая безмужняя женщина, имевшая 4-х детей Александра, Василия, Дмитрия и Веру, учившихся в нашей школе в разное время, жила она на верхнем этаже школы.

Административно-хозяйственной жизнью школа (отопление, ремонт, снабжение, электроэнергия) бесменно руководил высокий, худой, неразговорчивый и суховатый Михаил Григорьевич Баженов.

На страже безукоризненной школьной чистоты и личной гигиены учащихся, не делая никогда никому никаких потачек намертво стояла маленькая, щупленькая, субтильная, но весьма энергичная женщина в золотом пенсне, доктор Фрида Львовна Гальперн, безжалостно проверяя всё, что только поддавалось проверке, - от качества пищи, блеска столов, клеенок и посуды в столовой, чистоты уборки помещений и их содержания, - до белизны ребячьих рук, в особенности мальчишеских ногтей, имевших всегда, как ни старайся их отмыливать, предательские траурные каемочки.

Прошмыгнуть мимо Фриды Львовны, стоявшей у входа на лестницу в столовую, с грязными ногтями было совершенно невозможно. Она же водила нас в диспансер для медицинского осмотра, очень была нужная и уважаемая женщина.

Древние говорили, что ученик - это не сосуд, который надо наполнить знаниями, а факел, который надо зажечь.

И наши прекрасные учителя не только учили нас, обогащая своими обширными познаниями, но и воспитывали личной высочайшей интеллигентностью и порядочностью, прививая учащимся искренность, справедливость, умение думать самостоятельно, если хотите, мыслить, уважение к людям, любовь к своему народу и другие высокие качества, повелительно необходимые в жизни каждому человеку, а советскому - в особенности, тем более школьникам, только еще вступающим в самостоятельную жизнь.

Коллектив преподавателей был именно коллективом - единым, спаянным, слитным, чистым и здоровым, никаких ссор, склок и дразг. Внешняя аккуратность, опрятность, скромность и достоинство привлекало к ним учащихся, рожало стремление быть хоть немножко похожими на своих учителей не только внешне, но и внутренне, т.е. характерами.

Они подтверждали собой бессмертные слова французского материалиста философа-просветителя XVIII века Гельвеция, что «учителями должны быть лучшие люди общества» и, тем более, социалистического. Это были народные учителя в самом высоком понимании этого слова.

И еще одно, последнее по счету, но не по важности: в МОПШК"е в разное время учились дети многих видных и крупных старых большевиков Андреева, Артема (Сергеева), Васильева-Южина, Винокурова, Ворошилова, Ганецкого, Дзержинского, Дубровинского, Карпова, Карахана, Квирина, Клингера, Крестинского, Лепешинского, Ломова-Оппокова, Лозовского, Михайлова, Ногина, Орджоникидзе, Подвойского, Попова К.А., Розенгольца, Рухимовича М.Л., Рыкова, Савельева, Смидовичей, Смилга И.Г., Смирнова А.П., Ульянова Д.И., Фрумкина, Фрунзе, Хинчука, Цюрупы, Эпштейна, Яковлевой и других товарищей, жизнь которых прошла в суровой революционной борьбе, испытавших тюрьмы, ссылки, каторгу, что не могло не отразиться и на воспитании своих детей, которые, сами того не замечая, благотворно влияли на школьную атмосферу, привнося в нее черты строгого домашнего большевистского воспитания - скромность, дружелюбие, товарищество, верность.

Это очень пригодилось нам в годы Великой Отечественной войны, потребовавшей от советских людей морально-политической стойкости и твердости духа.

Однажды, уже после окончания школы, мы группой в 4-5 человек собрались пойти в клуб Совнаркома во 2-м Доме Советов (ныне там размещаются кинотеатр и ресторан "Метрополь") на вечер, где должны были выступать нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов, нарком здравоохранения СССР Н.А. Семашко, заведующий Госиздатом А.Б. Халатов и ряд других известных партийных и государственных работников.

А вот достать билеты нам не удалось и Лида Подвойская, дочь старого большевика Николая Ильича Подвойского, одного из героев Октябрьской революции, которая тоже училась в нашей школе, предложила забежать к ним домой, жили они в 1-м Доме Советов (ныне гостиница "Националь") и попросить Николая Ильича похлопотать насчет билетов.

Николай Ильич встретил приветливо, дружелюбно, он всегда любил детей и молодёжь, это, вероятно общее качество всех старых большевиков-ленинцев и, выслушав нашу просьбу, а просила не Лида, а мы, тут же позвонил заведующему клубом и попросил пропустить всю нашу ватагу в клуб.

Когда согласие было дано, Николай Ильич стал подробно, дотошно расспрашивать каждого кто что делает, учится или работает, кем, где, сколько зарабатывает и т.д.

А получилось так, что после окончания школы мы поступили не в ВУЗы, а на различные московские заводы - «АМО», «ДИНАМО», "Профрадио". Он очень обрадовался, что мы пошли на производство и сказал:

- Вот вы еще совсем юнцы, не имеете никакой специальности, только что окончили школу, а вас уже приняли на заводы, бесплатно обучают и даже еще платят деньги. И нет у вас никаких забот и трудностей в жизни, и надо ценить и помнить, что всё это дала вам Советская власть, Ленинская партия.

А в дни нашей молодости и на завод поступить было не просто, да и платили гроши, из которых приходилось еще выкраивать мастеру за то, что он, кроме щедрых подзатыльников и матерной словесности, обучает практическому делу.

Ну, до свидания, мчитесь в клуб, а то опоздаете! Вот такая интересная и поучительная оказалась беседа, после которой мы поблагодарили Подвойского, попрощались и побежали в клуб.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вспоминая школьную жизнь нельзя не сказать о почти идеальных условиях, в которых мы учились: отличное здание, просторные классы и лаборатории, много света и воздуха, заменить перегоревшую лампочку на потолке - целое событие, оборудованные мастерские, чудесный спортзал, чистый двор, сад, хорошая столовая, о которой в школьной песне пелось «Не столовая, а рай!», мы всегда были сыты и занимались-то в одну смену, вряд ли тогда в других школах было что-либо похожее. Плюс блистательный коллектив товарищей-учителей.

Поэтому и обстановка в школе была радостная и благословенная, постоянно ощущался какой-то подъем, энтузиазм, прилив сил, не было скуки и застоя. В школу шли охотно, с удовольствием, любили ее. Помню, как в один из зимних дней 1929 или 30 годов в Москве был трескучий мороз, градусов 30, а тогда при таком морозе разрешалось в школу не ходить.

Однако, в этот морозный день в школу пришли все учащиеся, кроме нескольких ребят из младших классов, живших очень далеко от школы.

Прошло около шестидесяти лет с тех пор, как я окончил школу, но память о ней сохранилась яркая и светлая и мне сейчас даже кажется, что школа чем-то походила на Пушкинский лицей и что ничего более светлого у меня в жизни и не было.

И, конечно же, очень жаль, что лучшая московская школа - МОПШКа, - созданная Лепешинским при горячем личном участии Владимира Ильича Ленина, в 1941 г. по чьему-то распоряжению перестала существовать. Но радует только то, что накопленный школой огромный опыт и драгоценные мысли Ленина, Крупской, Лепешинского, вложенные в советскую педагогику, к счастью не пропали, а легли в основу проводимой сейчас в СССР «реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

В Программе КПСС, принятой на 27-м съезде партии, сказано, что реформа "основывается на творческом развитии Ленинских принципов единой трудовой политехнической школы и направлена на то, чтобы еще выше поднять уровень образования и воспитания молодежи, улучшить ее подготовку к самостоятельной трудовой жизни, осуществить постепенный переход ко всеобщему профессиональному образованию". [Программа КПСС, изд. 1986 г. стр.166-167]

29 ноября 1986 г. в старом здании школы, после очень длительного перерыва, состоялась встреча выпускников нашей школы разных лет.

Встречу организовали товарищи Ольга Ильина, Ирина Карахан, Надежда Клокова, Виктор Минчин, Исаак Магидсон, Семен Моргенштерн, Сусанна Беляева, Татьяна Пояркова, Мирра Елина, Вениамин Рапопорт, Артем Сергеев, за что участники встречи были очень им благодарны.

Собралось около 250 человек и с учетом, что школа перестала существовать в 1941 году, это не так и мало. Ветераны, убежденные седины, узнавали друг друга не сразу, с трудом, но было много радости, улыбок, шуток, смеха и расчудеснейшее настроение, как будто вернулась юность и молодость и "сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может" (Пушкин, «На холмах Грузии»).

Из нашего 9-го класса выпуска 1930 года на встречу пришли К. Александер, В.Васильева-Южина, И. Збарский, М. Жардецкий, Ю.Карпов, А.Локерман, И.Магидсон и я, мы там сфотографировались и уже получили фотокарточку.

Большинство из присутствовавших ветеранов школы принадлежит к сильному, гордому поколению советских людей, с честью прошедшему через тяжелые испытания страны, вынесшему на своих плечах Великую Отечественную войну.

Наши дети, внуки и правнуки должны знать, помнить, радоваться и гордиться тем, что мы принадлежим именно к этому мужественному поколению и всю жизнь верой и правдой служили и служим Родине, Партии, Ленину.

Сейчас грянули долгожданные ленинские ветра, встреченные народом с ликованием, партия решительно очищает общество от всяческой скверны, подлости и лжи, изгоняется пьянство, укрепляется порядок и дисциплина, преобразуется жизнь, ведется неустанная, наступательная борьба за мир, становится солнечнее, праздничнее, веселее, а воздух чище и здоровее, понемногу возрождается ленинский образ мыслей и действий. Помните, у Маяковского: [В.Маяковский. "Разговор с товарищем Лениным" т.10, стр. 17]

«Товарищ Ленин,

по фабрикам дымным,

по землям,

покрытым

и снегом

и жнивьем,

вашим,

товарищ,

сердцем
и именем
думаем,
дышим,
боремся
и живем»

Выпускник МОШКи 1930 г.
ветеран ВОВ, Председатель Совета ветеранов войск связи и
РТQ ВВС, Генерал-лейтенант авиации в отставке, член
общества «Знание», член КПСС с 1942 г.

Р.ТЕРСКИЙ

25 марта 1987 г.